

КУРТ ФИНКЕР (ГДР)

БОМБА В «ВОЛЧЬЕМ ЛОГОВЕ»

(Заговор 20 июля 1944 г. в Германии) *

20 ИЮЛЯ 1944 ГОДА

В четверг 20 июля 1944 г. около 6 часов утра полковник Клаус Шенк фон Штауффенберг в сопровождении брата Бертольда вышел из своей квартиры в берлинском пригороде Ванзее. Автомашина доставила обоих в город, где к ним подсел обер-лейтенант фон Хефтен. Затем они поехали дальше — на аэродром Рангсдорф. Здесь их уже ждал генерал-майор Штифф, чтобы вместе отправиться в ставку «фюрера». Самолет «Хейнкель-111», находившийся в распоряжении генерала Вагнера, стартовал около 7 часов утра. В портфелях лежали две бомбы с бесшумными химическими взрывателями. Одну положил в свой портфель Штауффенберг, другую взял Хефтен. Тем временем Бертольд фон Штауффенберг отправился в здание ОКХ на Бендлерштрассе.

Пролетев примерно 560 км, «Хейнкель-111» около 10 часов 15 минут совершил посадку в Растенбурге. Штауффенберг приказал командиру самолета быть с полудня готовым к обратному полету в Берлин. На служебной машине Штауффенберг и его спутники поехали в ставку «фюрера». Здесь Штауффенберг доложил о своем прибытии коменданту и после завтрака с его адъютантом ротмистром фон Мёллендорфом направился к генералу Фельгибелю, начальнику службы связи вермахта, посвященному в заговор. Затем Штауффенбергу пришлось еще решить служебные дела с генералом Буле, представителем Главного командования сухопутных войск (ОКХ) при верховном главнокомандовании вермахта (ОКВ).

Около 12 часов Штауффенберг вместе с Буле явился в бункер к начальнику штаба ОКВ генерал-фельдмаршалу Кейтелю, чтобы еще раз обсудить с ним предстоявший доклад. Хефтен остался в приемной в том же помещении. Кейтель сообщил, что совещание, первоначально назначенное на 13 часов, переносится на 12 часов 30 минут ввиду предстоящего визита Муссолини. Докладывать надлежит кратко. Затем Кейтель сказал, что обсуждение обстановки состоится в предназначенном для этой цели картографическом бараке. Барак этот имел деревянные стены, усиленные бетонной обшивкой.

Когда до 12 часов 30 минут осталось совсем немного времени, Кейтель со своим адъютантом фон Фрейендом, Буле и Штауффенбергом вышел из кабинета, чтобы направиться в картографический барак, расположенный в трех минутах ходьбы. Но тут Штауффенберг сказал, что хочет немного освежиться и переменить сорочку¹. В прихожей его ожидал Хефтен. Фон Фрейенд указал им свою спальню, куда Хефтен вошел вместе со Штауффенбергом, так как должен был помочь однорукому полковнику. Им

* Окончание. Начало см. в предыдущем номере журнала.

¹ Описание дается по: P. H o f f m a n. Widerstand, Staatsstreich, Attentat. München, 1965, S. 468. По другой версии, Штауффенберг оставил свой ремень и фуражку, чтобы иметь предлог вернуться за ними.

необходимо было остаться наедине, чтобы щипцами вдвинуть взрыватель бомбы, спрятанной в портфеле. Взрыв должен был произойти через 15 минут. Тем временем Кейтель уже прошел довольно далеко вперед. Пока они находились в комнате Фрейенда, Фельгибель соединился по телефону с бункером ОКВ и попросил передать Штауффенбергу, чтобы тот еще раз позвонил ему. Фон Фрейенд тут же послал обер-фельдфебеля Фогеля сообщить об этом Штауффенбергу. Позже Фогель рассказывал, что видел, как Штауффенберг и Хефтен что-то прятали в портфель, а на койке лежала куча бумаги. Очевидно, он помешал им уложить в портфель Штауффенберга обе бомбы. Штауффенберг, как следует предполагать, намеревался взорвать обе эти бомбы. Однако, как бы то ни было, фактом остается то, что Хефтен засунул сверток со второй бомбой в свой портфель, а затем, покинув Штауффенберга, быстро вышел, чтобы позаботиться об автомашине.

По пути в картографический барак Штауффенберг несколько раз отказывался от предложения своих спутников понести его портфель. Вместе с уже проявлявшим нетерпение Кейтелем Штауффенберг вошел в картографический барак. Перед тем как войти он громко, так, чтобы его услышал Кейтель, крикнул фельдфебелю-телефонисту, что ожидает срочного звонка из Берлина. В момент появления Штауффенберга на совещании генерал Хойзингер как раз докладывал о положении на Восточном фронте. Кейтель на минуту прервал его, чтобы представить Штауффенберга Гитлеру, который приветствовал полковника рукопожатием. Затем Хойзингер продолжил свой доклад.

Помещение для оперативных совещаний находилось в конце барака и имело площадь примерно 5×10 м. Его почти полностью занимал огромный стол с картами, который представлял собою тяжелую дубовую плиту, положенную на две массивные деревянные подставки. Напротив двери имелось три окна — из-за жары они были открыты настежь. Здесь собралось 25 человек. Гитлер стоял у середины стола лицом к окнам и спиной к двери. Штауффенберг поставил портфель с бомбой у подставки, расположенной в непосредственной близости от Гитлера. Вскоре он доложил Кейтелю, что ему необходимо срочно переговорить по телефону, вышел из помещения и направился к генералу Фельгибелю, где его уже ожидал с автомашиной Вернер фон Хефтен. «Ни один специалист не сомневался в том, что в помещении с толстыми или тонкими стенами предназначенная для этой цели взрывчатка... сделает свое дело до конца», — вспоминает Кунрат фон Гаммерштейн ².

Тем временем Хойзингер продолжал доклад. Полковник Брандт, его заместитель, желая подойти поближе к карте, задел ногой портфель Штауффенберга и переставил его по другую сторону подставки стола, подальше от Гитлера. Поскольку Штауффенберг должен был докладывать сразу же после Хойзингера, но еще не вернулся, Буле вышел из помещения, чтобы найти его ³. Однако телефонист сказал ему, что полковник ушел. Пораженный Буле вернулся в барак.

В 12 часов 42 минуты — Хойзингер как раз произносил заключительные слова — бомба взорвалась. Штауффенберг, Хефтен и Фельгибель увидели пламя взрыва и были твердо убеждены в том, что Гитлер убит. Взрыв был такой силы, словно разорвался 150-миллиметровый снаряд, сообщил позже Штауффенберг в Берлине.

Штауффенберг и Хефтен сели в машину, которая через минуту была остановлена у офицерского караула. Охрана сначала отказалась пропустить их, но Штауффенберг сослался на вымышленный телефонный вызов и заявил, что имеет разрешение на выезд. У наружного поста с южной стороны обоих офицеров снова остановили. Однако Штауффенберг не растерялся и тут же позвонил ротмистру фон Мёллендорфу, который по телефону подтвердил дежурному шарфюреру (унтер-офицеру) СС наличие разрешения на выезд. Чуть позже 13 часов Штауффенберг прибыл на аэродром. По дороге Хефтен демонтировал запасную бомбу и выбросил ее. В 13 часов 15 минут самолет поднялся в воздух и взял обратный курс на Берлин, где должен был приземлиться около 16 часов.

Взрыв в картографическом бараке произвел большое разрушение: стол разлетелся на куски, потолок частично рухнул, оконные стекла были выбиты, рамы вырваны.

² К. в. H a m m e r s t e i n. Spähtrupp. Stuttgart, 1963, S. 271.

³ По другим описаниям, помещение покинул, чтобы позвать Штауффенберга, сам Кейтель.

Одного из присутствовавших взрывной волной выбросило в окно. И все-таки генерал Фельгибель, который должен был по телефону сообщить на Бендлерштрассе об удаче покушения, к ужасу своему увидел, как Гитлер, покрытый гарью, в обгорелом и изодранном мундире, опираясь на Кейтеля и ковыляя, выходил из дымящегося барака! Кейтель довел Гитлера до своего бункера и приказал немедленно вызвать врачей. Гитлер получил ожоги правой ноги, у него обгорели волосы, лопнули барабанные перепонки, правая рука была частично парализована, но в целом травмы оказались легкими.

Из числа участников совещания один — стенографист Бергер был убит на месте; трое других — полковник Брандт, генерал Кортен, начальник штаба оперативного руководства ВВС, генерал-лейтенант Шмундт, шеф-адъютант вермахта при Гитлере и начальник управления личного состава сухопутных войск, — вскоре скончались от полученных ран. Генерал Боденшац, офицер связи главнокомандующего ВВС при ставке «Фюрера», и полковник Боргман, адъютант Гитлера, получили тяжелые ранения, прочие отделались легкими травмами или же остались невредимы. Ознакомление с расположением лиц, находившихся в помещении, показывает, что убитыми или тяжело ранеными оказались почти исключительно те, кто стоял справа от подставки стола. Совершенно ясно: в результате того, что полковник Брандт переставил портфель с бомбой к правой стороне подставки стола, направление взрыва в значительной мере изменилось. Только так можно объяснить, почему Гитлер, который к тому же в момент взрыва столь сильно наклонился над столом, что почти лежал на нем (он был близорук), остался в живых.

Увидев Гитлера живым, Фельгибель от условленного звонка в Берлин отказался. Ведь по имевшейся договоренности он должен был сообщить, состоялось ли покушение или нет. Но такая ситуация, что после произведенного взрыва Гитлер уцелеет, предусмотрена не была. Колебания Фельгибеля подкрепил Штифф, принявший решение, что ввиду этого государственный переворот начинать не следует и теперь надо лишь позаботиться о безопасности — своей собственной и других заговорщиков. Так центр заговора в Берлине больше трех часов — решающих часов! — не получал никаких известий.

Через полчаса после покушения в «Вольчем логове» появился извещенный о происшедшем Гиммлер, который находился в своей ставке на озере Маузэрзее, и сразу же принялся за расследование. Он потребовал от главного управления имперской безопасности в Берлине присылки самолетом специалистов-криминалистов. Геббельс, который в это время был в Берлине, получил после 13 часов телефонное сообщение, что на Гитлера совершено покушение, но он остался жив. Затем всякая связь между Растенбургом и внешним миром на два часа прекратилась. Гитлер приказал установить запрет на передачу любой информации из ставки. Это обстоятельство могло бы даже быть на пользу заговорщикам, поскольку Фельгибель и без того имел задание не допустить никакой связи со ставкой.

В результате начатого Гиммлером расследования все сильнее стали подозревать Штауффенберга: его поведение, а особенно внезапное исчезновение казались теперь подозрительными и Кейтелю. Но пока еще никто из окружения Гитлера не предполагал, что речь идет не о покушении отдельного лица, а о начале предпринятой в более широком масштабе попытки переворота. А тем временем в ОКХ на Бендлерштрассе генерал Ольбрихт и его ближайшие соратники тщетно ожидали сигнала действовать — телефонного звонка из Растенбурга.

Около полудня Ольбрихт послал майора Хайэссена к полицей-президенту Берлина графу Хельдорфу договориться о действиях полиции по захвату важнейших зданий и аресту нацистских главарей. Хельдорф отказался что-либо самостоятельно предпринимать и заявил, что полиция начнет действовать только тогда, когда возьмет власть армия. У Хельдорфа в это время находился Ганс Бернд Гизевинс, агент германского абвера, который, как уже указывалось, сотрудничал с американской секретной службой. Хельдорф являлся старым нацистом; будучи в 20-е и 30-е годы одним из главарей штурмовиков, он основательно приложил руку к кровавому террору против антифашистов. Теперь он был подобен крысе, пытающейся спастись с тонущего корабля. Роль Хельдорфа 20 июля заключалась в том, что он, ровным счетом ничего не делая сам, отпускал циничные замечания насчет недостатков предпринятой

операции и предоставлял действовать другим. Штауффенберг и прежде был о нем невысокого мнения.

Только в 15 часов 30 минут генерал-лейтенанту Тиле удалось установить телефонную связь Бендлерштрассе со ставкой. Оттуда он получил лишь лаконичное известие о состоявшемся покушении, но жив Гитлер или мертв, сказано не было. Тогда Ольбрихт распорядился отдать первые приказы о подъеме войск по боевой тревоге в соответствии с планом «Валькирия», предусмотренным на случай «внутренних беспорядков». Начальнику берлинского гарнизона генералу фон Корцфляйшу через офицера связи было приказано явиться на Бендлерштрассе для получения указаний. Подчиненного ему военного коменданта Берлина, участника заговора генерала фон Хазе, Ольбрихт известил по телефону о необходимости быть готовым к боевым действиям. Тиле приказал сформировать отделение радиосвязи, которое должно было оборудовать радиостанцию в городской военной комендатуре.

Около 16 часов самолет со Штауффенбергом и Хефтенем приземлился в Рангсдорфе. Оба они полагали, что переворот уже идет полным ходом. Хефтен позвонил на Бендлерштрассе и вызвал автомашину. Одновременно он подтвердил факт покушения и наверняка свершившееся — по его убеждению — уничтожение Гитлера. Теперь Ольбрихт и Мерц фон Квирнгейм форсировали введение в силу дальнейших приказов «Валькирия». В Берлине были подняты по боевой тревоге подчиненные фон Хазе войска: охранный батальон (отдельная часть силой до полка), гарнизон Шпандау, пиротехническое и оружейно-техническое училища сухопутных войск. Командиры этих частей были вызваны для получения приказов в городскую комендатуру на Унтерден-Линден. Здесь им были вручены заранее разработанные приказы занять определенные здания, министерства, казармы СС и транспортные узлы. Охранному батальону предписывалось оцепить правительственный квартал и взять Геббельса.

После 16 часов подполковник Бернардис начал поднимать по боевой тревоге войска, находившиеся вне Берлина: танковые училища в Крампнице и Вюндсдорфе, курсы усовершенствования танковых войск в Гросс-Гленике, пехотное училище в Дёберице и унтер-офицерское училище в Потсдаме. Некоторые из этих частей должны были перерезать магистрали и выступить против соединенной СС. Принадлежавшая к охранному батальону охрана здания на Бендлерштрассе получила приказ Мерца фон Квирнгейма перекрыть все входы и выходы и оказать сопротивление в случае возможной атаки частями СС.

После получения первых известий и отдачи первых приказов Ольбрихт отправился к генералу Фромму проинформировать его о происходящем и, по возможности, привлечь к участию в перевороте. Объявив, что получил сообщение от генерала Фельгибеля, гласящее: «Гитлер погиб в результате покушения», Ольбрихт предложил командующему армией резерва дать войскам кодовый сигнал «Валькирия» и тем самым приказать вермахту взять в свои руки всю исполнительную власть. Однако Фромм пожелал узнать о гибели Гитлера лично от Кейтеля и около 16 часов 10 минут позвонил в ставку «фюрера». Тем временем установленный Гитлером запрет связи был отменен, и Кейтель сразу же взял трубку. На вопрос Фромма он ответил, что покушение действительно имело место, но сам фюрер лишь легко ранен. Затем Кейтель спросил, вернулся ли уже полковник Штауффенберг. После разговора с Кейтелем Фромм отказался ввести в действие план «Валькирия». А пока все это происходило, Мерц фон Квирнгейм от имени Фромма продолжал передавать войскам приказы «Валькирия».

Примерно в 16 часов 30 минут капитан Клаузинг принес на узел связи в здании на Бендлерштрассе текст телеграммы с первым основным приказом. Поскольку телеграмма не имела пометок о степени срочности и секретности, офицер узла связи Рёриг отнес ее обратно Клаузингу. Спустя десять минут тот вновь вручил телеграмму Рёригу. Как показывал впоследствии Рёриг, первая фраза: «Фюрер Адольф Гитлер убит» теперь была зачеркнута. Очевидно, после телефонного разговора Фромма с Кейтелем Ольбрихт потерял уверенность в этом. За период с 17 часов 35 минут до 21 часа 03 минут телеграмма была отправлена 20 адресатам. Основной приказ имел подпись генерал-фельдмаршала фон Вицлебена и передавал всю исполнительную власть командующим войсками, тем самым давая им и первые директивы.

Около 16 часов 45 минут Штауффенберг вместе с Хефтенем вошел в здание на Бендлерштрассе и немедленно направился в кабинет Ольбрихта, чтобы доложить ему.

На слова Ольбрихта о сообщении Кейтеля Штауффенберг возразил, что это — маневр Кейтеля и ставки верховного главнокомандования с целью выиграть время, и потребовал быстрых и решительных действий.

К этому моменту Бек и другие заговорщики прибыли на Бендлерштрассе, где уже находился и генерал-полковник Гёпнер. Вызванному Ольбрихтом Хельдорфу, который явился в сопровождении Гизевиуса, было официально заявлено, что вермахт взял на себя всю исполнительную власть и, таким образом, полиция тоже подчинена ему. Бек считал необходимым указать Хельдорфу на противоречивость сообщений, поступающих из ставки «фюрера», и потребовал совместно занять определенную позицию в отношении происходящего, особенно на случай распространения вести, что Гитлер жив. Бек призвал всех присутствовавших присоединиться к его точке зрения: «Для меня этот человек — мертв. И этим я и буду руководствоваться в своих дальнейших действиях. Мы не имеем права отходить от этой линии, иначе внесем смятение в наши собственные ряды. Неопровержимо доказать, что Гитлер — именно он, а не его двойник — действительно жив, ставка сможет не раньше чем через несколько часов. А до тех пор берлинская акция должна быть закончена»⁴.

В 17 часов Ольбрихт, в сопровождении Штауффенберга, снова вошел в кабинет Фромма и сообщил ему, что Гитлер убит; это может подтвердить Штауффенберг. Между ними возник спор.

Фромм: Но это же невозможно, Кейтель заверил меня в обратном.

Штауффенберг: Фельдмаршал лжет, как всегда. Я сам видел, как Гитлера выносили мертвым.

Ольбрихт: Учитывая это положение, мы дали штабам военных округов сигнал «Внутренние беспорядки».

Фромм (вскакивая и ударяя кулаком по столу): Это — чистейшее неповиновение! Что значит «мы»? Кто дал приказ?

Ольбрихт: Начальник моего штаба полковник Мерц фон Квирнгейм.

Фромм: Немедленно вызовите сюда полковника Мерца!

Входит Мерц фон Квирнгейм. В ответ на вопрос он подтверждает, что без санкции Фромма дал штабам военных округов сигнал «Внутренние беспорядки».

Фромм: Вы арестованы. А дальше посмотрим, как с вами поступить.

В этот момент полковник граф Штауффенберг встает и ледяным голосом произносит: «Господин генерал-полковник, во время совещания у Гитлера я лично вставил взрыватель в бомбу. Взрыв был такой силы, будто разорвался 150-миллиметровый снаряд. Никто в том помещении жив остаться не мог».

Фромм: Граф Штауффенберг, покушение сорвалось. Вам следует немедленно застрелиться.

Штауффенберг: Нет, этого я не сделаю ни в коем случае.

Ольбрихт: Господин генерал-полковник, наступил момент действовать. Если мы сейчас не ударим, наше отечество погибнет навсегда.

Фромм: Ага, значит, и вы, Ольбрихт, тоже участвуете в этой попытке переворота?

Ольбрихт: Так точно. Но я лишь примыкаю к тому кругу лиц, который возьмет на себя власть в Германии.

Фромм: В таком случае объявляю всех троих арестованными!

Ольбрихт: Арестовать вы нас не сможете. Вы заблуждаетесь: истинное соотношение сил не в вашу пользу, это вы арестованы нами!»⁵

Короткая рукопашная, и Фромма под угрозой оружия препровождают в кабинет его адъютанта. Однако охраняли Фромма столь великодушно, что позже ему удалось установить контакт с офицерами-единомышленниками.

Новым командующим армией резерва заговорщики назначили генерал-полковника Гёпнера, который тут же надел принесенный с собою мундир. Он представлял одну из самых нерешительных и двойственных фигур заговора. Теперь он с нетерпением ожидал прибытия нового верховного главнокомандующего вермахта — генерал-фельдмаршала фон Вицлебена. Но отнюдь не для того, чтобы вместе с ним со всей решитель-

⁴ H.- B. G i s e v i u s. Bis zum bitteren Ende, Bd. 2. Hamburg, 1947. S. 317.

⁵ Ibid., S. 322—333; E. Z e l l e r. Geist der Freiheit. München. 1965, S. 387; J. K r a m a r z. Claus Graf von Stauffenberg. Frankfurt a/M., 1965, S. 208—209.

ностью продолжать начатое дело, а прежде всего для того, чтобы получить от него письменное подтверждение своего назначения. Вместо заботы о быстрой мобилизации войск Гёпнер проявил повышенное беспокойство о самочувствии Фромма и даже хотел отпустить его домой, но натолкнулся на сопротивление Штауффенберга, Бека и Гизевинуса. Затем Гёпнер проинформировал офицеров отдела о «смерти» Гитлера и о принятых мерах. Но настойчивое требование Штауффенберга как следует «задать жару» командующим военными округами Гёпнер не выполнил и, хотя и переговорил по телефону с гарнизонами Висбадена, Штеттина и Штутгарта, никаких энергичных указаний не дал. Как только из ставки «фюрера» поступили контрприказы, он сразу же проявил полную беспомощность.

Группа же молодых офицеров, напротив, активно участвовала в предпринятой акции. Обер-лейтенант Кордс обеспечил охрану ворот: караул пропускал в здание только лиц со специальными пропусками; капитан Фриче контролировал вестибюль и прилегавшие помещения (поскольку далеко не все сотрудники ОКХ принадлежали к числу посвященных); капитан Клаузинг и лейтенанты фон Кляйст, фон Оппен, фон Гаммерштейн находились в распоряжении Ольбрихта и Штауффенберга в качестве офицеров для особых поручений. Однако другая группа офицеров занимала выжидательную позицию, не предпринимая, правда, пока никаких контрмер. Некоторые из этих офицеров поначалу сорвали со своих мундиров эмблему державного орла со свастикой, а затем, всего через несколько часов, когда произошел решающий поворот, снова прикрепили ее на грудь.

После 17 часов в здании на Бендлерштрассе появился оберфюрер (полковник) СС Пиффрадер и потребовал разговора со Штауффенбергом. На самом же деле он имел задание главного управления имперской безопасности незаметно арестовать Штауффенберга — Гиммлер уже сообщил о нем из ставки как о предполагаемом преступнике. Но Штауффенберг приказал посадить Пиффрадера вместе с сопровождавшими его двумя сотрудниками уголовной полиции под арест. Так же поступили и с генералом фон Корцфляйшем, который хотя и явился на Бендлерштрассе, но поддержать начатую акцию отказался. Его преемником был назначен генерал фон Тюнген. Корцфляйш попытался бежать, но его схватили.

Атмосферу, царившую на Бендлерштрассе, рисует Людвиг фон Гаммерштейн, которому фон Шверин приказал находиться в приемной Ольбрихта: «Когда я вернулся на свое место в приемной, Ольбрихт позвал меня в свой кабинет и сказал, чтобы я оставался здесь: в соседней комнате сидит генерал фон Корцфляйш — пусть ни в коем случае не вздумает выкинуть какую-нибудь глупость. Минут через пять с криком: «Генерал удрал!» ко мне влетел адъютант — пожилой подполковник для особых поручений фон дер Ланкен. Я бросился вслед за ним, увидел бегущего через вестибюль генерала и крикнул охране: «Внимание у выхода!» Там с надежным унтер-офицером стоял Кляйст. Он сразу же приставил к груди генерала пистолет, а потом подбежал еще один обер-лейтенант... Корцфляйш повис у них на руках. Он был совершенно без сил. Я весьма вежливо препроводил сего господина в предназначенную для него комнату. Весь остаток вечера мне пришлось караулить его. Сначала он бушевал и орал насчет присяги, но постепенно успокоился. Потом пришел его офицер-порученец, совершенно ничего не подозревавший пехотный капитан, выяснить, где же запропал его начальник. Ольбрихт направил капитана к нам. Тот сообщил, что полученные ими до настоящего времени приказы выполнены»⁶.

Появление Пиффрадера в сопровождении всего двух криминалистов показывало, что в это время — около 17 часов — в главном управлении имперской безопасности все еще полагали, будто речь идет об индивидуальном акте Штауффенберга, а не о государственном перевороте. В 17 часов 30 минут все поднятые по тревоге в Берлине и его окрестностях войска получили боевые приказы и частично уже находились на марше. Однако подход их задержался настолько, что к данному моменту — примерно через пять часов после покушения — указанные в приказах позиции заняты еще не были.

Затем начал сказываться саботаж, имевший место на узле связи в здании на Бендлерштрассе. Передача телеграмм была задержана дежурным офицером лейтенантом

⁶ К. в. H a m m e r s t e i n. Op. cit., S. 282—283.

Рёригом, последовательность систематически дополнявших друг друга приказов «Валькирия» произвольно нарушена, в результате чего смысл их исказился. Когда же наконец удавалось передать по телеграфу, их тут же объявляли не имеющими силы по телефону. На настойчивые требования Ольбрихта и Штауффенберга Рёриг отвечал ссылками на «технические трудности». В результате отдельные военные округа из цельного комплекса приказов получили лишь отрывочные указания и не знали, что же им следует предпринимать. Заговорщики упустили из вида необходимость посадить на аппараты связи надежных людей, убрав приверженцев Гитлера.

Около 17 часов 35 минут началась передача телеграммы с первым основным приказом. В 18 часов в здании на Бендлерштрассе появились генералы Шпехт, Кунце и Штреккер, приглашенные на служебное совещание еще Фроммом. Шпехт, инспектор подготовки командных кадров, которого Ольбрихт до этого несколько раз безуспешно пытался привлечь на свою сторону, и теперь не пожелал действовать заодно с заговорщиками. Отказался и Кунце, начальник отдела боевой подготовки. Их заперли вместе с Фроммом, но около 20 часов 30 минут им удалось незаметно выйти из-под ареста.

После 18 часов 30 минут командующим военными округами был отправлен второй основной приказ и, правда, не полностью — дальнейшие приказы: о захвате учреждений и транспортных узлов, аресте нацистских главарей, занятии концентрационных лагерей. Приказы эти, как правило, вызывали обескураженность, наталкивались на нерешительность и колебания. Поскольку в заговор были посвящены лишь немногие командующие округов, осуществление отданных приказов в большинстве случаев оказывалось под вопросом; к тому же вечером стали поступать первые контрприказы.

В 18 часов 30 минут на Бендлерштрассе наконец поступило донесение о том, что правительственный квартал оцеплен тремя ротами охранного батальона. К 19 часам подразделения пиротехнического училища и оружейно-технического училища сухопутных войск заняли свои опорные пункты в Цейхгаузе и бывшем королевском дворце. Две ударные группы патрульной службы сухопутных войск в 19 часов стояли на Унтер-ден-Линден (угол Вильгельмштрассе) в готовности атаковать здание министерства пропаганды и схватить Геббельса. Но основные силы еще не подошли; первые танки прибыли в центр города только около 19 часов 30 минут.

Полковник Глеземер, начальник II танкового училища в Крампнице, задержав его подъем по тревоге и подход танков, вместе со своим адъютантом капитаном Шауссом выехал на Бендлерштрассе. Ольбрихт приказал ему ждать в готовности с основными силами танков у Колонны победы и обеспечить охрану Общевойскового управления сухопутных войск. Дальнейшие приказы он получит от Мерца. Когда позднее Глеземер отказался подчиняться этим приказам, Мерц арестовал его. Однако тот успел сообщить о создавшемся положении инспекции танковых войск. Ее начальник полковник Больбринкер, которому подчинялись все танковые училища, распорядился оттянуть танки на Фербеллинер-плац и известил Геббельса о происходившем в городе. Тем временем Геббельс получил информацию и из других источников. Заявив о своем мнимом желании выполнять приказания Ольбрихта, Глеземер сумел ввести в заблуждение свою охрану и скрыться. Подобная картина наблюдалась и при использовании танкового училища, находившегося в Гросс-Гленике.

Вечером 20 июля никаких донесений о захвате имперской канцелярии, министерства пропаганды, главного управления имперской безопасности и радиостанции в Кёнигс-Вустерхаузене все еще не было.

В 16 часов в ставку «фюрера» прибыл специальный поезд с Муссолини. Его встречали Геринг, Риббентроп, Дёниц и другие нацистские главари. Гитлер хвастался, что спасен волей самого провидения, которое тем самым явно предназначило его для «решения еще более великих задач». Остальные усердствовали в проявлениях верноподданнических чувств. Около 18 часов Гитлер проводил своего гостя на железнодорожную станцию.

После отмены запрета на информацию и после отправки из Берлина первых приказов «Валькирия» в ставку стали поступать телефонные запросы командиров различных рангов. Постепенно здесь все определеннее складывалось впечатление, что развернулась акция, гораздо более крупная, чем предполагали поначалу. Около 17 часов Гитлер назначил Гимmlера вместо Фромма командующим армией резерва и приказал

ему немедленно вылететь в Берлин. В связи с этим Кейтель направил в войска и военные округа телеграмму:

«Фюрер назначил рейхсфюрера СС Гимmlера, с немедленным вступлением в должность, командующим армией резерва и передал ему все полномочия в отношении ее военнослужащих.

Принимать к исполнению только приказы, исходящие от рейхсфюрера СС и от меня.

Любые приказы Фромма, фон Витцлебена или Гепнера силы не имеют.

Начальник штаба ОКВ Кейтель, генерал-фельдмаршал.

В 17 часов 30 минут Гитлер имел телефонный разговор с Геббельсом и поручил ему подготовить чрезвычайное сообщение для радио, что покушение произошло, но не удалось. Это чрезвычайное сообщение было в 18 часов 45 минут передано в эфир радиостанцией «Дойчландсендер».

Весть о том, что Гитлер лишь легко ранен, усилила нерешительность среди командиров войск заговорщиков и, в свою очередь, замедлила осуществление приказов «Валькирия». Полицей-президент Хельдорф и начальник имперского управления по уголовным делам Артур Небе, и без того не сделавшие до сих пор почти ничего для удачи заговора, теперь совсем отказались содействовать ему. Штауффенберга засыпали запросами. Он отвечал, что сообщение радио предназначено ввести людей в заблуждение, подчеркивал, что армия взяла власть в свои руки, а приказы «Валькирия» должны быть выполнены. Поскольку Кейтель в ответ на телефонные запросы дал ряду командиров указание не подчиняться берлинским приказам, Штауффенберг в 19 часов 15 минут распорядился о передаче всем военным округам и всем командующим войсками срочной телеграммы. Она опровергала заявления Кейтеля и требовала от командующих войсками решительных действий. В телеграмме, которую Штауффенберг завизировал своими инициалами, говорилось: «Переданное по радио коммюнике не соответствует действительности. Фюрер убит. Приказанные меры осуществить с максимальной быстротой». Штауффенберг, поддерживаемый Ольбрихтом, Мерцем, Хефтенем и другими, был в эти часы движущей силой всей акции, неустанно боролся за успех государственного переворота. Очевидец описывает один из тех многих телефонных разговоров, которые вел в эти часы Штауффенберг: «Телефонистка в приемной вызвала Штауффенберга к аппарату. Он бросился к телефону, схватил трубку, поданную телефонисткой: «Штауффенберг слушает... Так точно... Да, все делается по приказу Бэ-дэ-Э *... Так точно... Остается в силе... Все приказы выполнить немедленно. Тотчас захватить все радиостановки и пункты связи... Любое сопротивление сломить силой... Вероятно, получите контрприказы из ставки фюрера... Они силы не имеют... Нет... Исполнительную власть взял на себя вермахт.... Отдавать приказы не правомочен никто, кроме Бэ-дэ-Э... Поняли?... Так точно... Рейх в опасности... Как и всегда в час наивысшей опасности, исполнительная власть принадлежит солдату... Да... Верховным главнокомандующим назначен Витцлебен... Назначение чисто формальное... Захватите все узлы связи... Ясно?... Хайль!»⁷

В 19 часов 30 минут в полной форме и с маршальским жезлом в руке на Бендлерштрассе прибыл генерал-фельдмаршал фон Витцлебен. Он сразу же направился к Беку и имел с ним продолжительный разговор, в ходе которого подверг резкой критике недостаточность принятых до сих пор мер. Около 20 часов 15 минут Витцлебен покинул здание на Бендлерштрассе, тем самым дав понять, что считает акцию провалившейся, и вернулся в дом своего знакомого в Зеезе.

Вечером — около 20 часов — положение характеризовалось следующими фактами. В Берлине и его окрестностях войска отрезали правительственный квартал, удерживали в своих руках здание ОКХ на Бендлерштрассе и радиоцентр на Мазуреналлее, а также захватили радиостанцию в Кёнигс-Вустерхаузене. Другие войска заняли позиции во внутренней части города — у Цейхгауза, бывшего королевского дворца, Колонны победы — и ожидали дальнейших приказов. Третья часть войск еще находи-

* Принятое в вермахте сокращение от слов: командующий армией резерва (Der Befehlshaber des Ersatzheeres).

⁷ Н. Ф р а е н к е л, R. M a n v e l l. Der 20. Juli. Berlin (West) — Frankfurt a/M. — Wien, 1969, S. 228.

лась на подходе. Однако ближайšie цели все еще достигнуты не были: министерства не заняты, имперская канцелярия и штаб-квартира гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе не захвачены, находившиеся в Берлине нацистские главари не арестованы, враждебные радиопередачи не прекращены, а сами радиостанции не поставлены на службу восстанию, СС не разоружены. Потеряно драгоценное время, когда противник еще ничего не подозревал. В своих тщательно разработанных планах Штауффенберг и Ольбрихт исходили из того, что войсковые части будут действовать быстро и точно, а это, в свою очередь, в значительной мере зависело от позиции офицеров. Но здесь-то и таилось самое слабое место военного планирования переворота.

Около 20 часов 15 минут майор Хайэссен доложил, что операция в Берлине застопорилась. Охранный батальон медлит, а его командир майор Ремер находится у Геббельса. У подполковника Егера, которому поручено арестовать Геббельса, нет в распоряжении солдат для группы захвата. Это свидетельствовало о том, что дело принимает роковой оборот.

Но главная причина провала переворота заключалась не только в неразберихе с отдачей приказов и замедленном темпе военной операции. Эти явления служили лишь выражением самого политического характера всего заговора. Будь характер этот иным, заговорщики приняли бы все меры для того, чтобы попытаться мобилизовать на решительные действия трудящиеся массы. Руководители восстания в Берлине не имели достаточно надежных боевых групп для решения неотложных задач первого часа. Заговорщики желали захватить власть с помощью военных, отдающих команды по телеграфу и телефону, без массового движения. Воззвания и призывы по радио были подготовлены, но обратиться с ними к народу руководители переворота хотели только после того, как власть уже будет крепко находиться в руках вермахта. Полностью отойти от этой установки не смог и Штауффенберг. Нарушение ее объективно противоречило бы реакционным целям группы Гёрделера.

Поэтому вполне отвечает характеру и взаимосвязи событий сказанное в воспоминаниях ветерана германского рабочего движения коммуниста Фрица Зельмана, в то время заключенного концлагеря Флоссенбург: «Весть о покушении на Гитлера в июле 1944 г. пришла к нам в лагерь с опозданием и прозвучала весьма невнятно. Разумеется, мы радовались этому сигналу о существовании заговора среди людей из самого близкого к нацистам слоя и проклинали неудачу покушения. Но когда я услышал, что руководителем заговора был Карл Гёрделер, которого я знал по периоду своей работы в Лейпциге как обер-бургомистра города и законченного реакционного чиновника, мне стало ясно, что ничего путного от этого пошедшего вкривь и вкось заговора ожидать было нельзя; просто погибло несколько хороших людей, принесших себя в жертву сомнительному делу»⁸.

В других военных округах и в оккупированных нацистами странах и областях реакционный характер заговора выразился еще отчетливее⁹.

В Штеттине (II военный округ) вся нацистская знать, НСДАП, местные власти и вермахт праздновали 20 июля десятилетие пребывания гауляйтера Франца Шведе-Кобурга на его посту. Командующий округом генерал Киниц, узнав между 18 и 19 часами о покушении на Гитлера, сразу сказал, что «злоумышленники» могут быть только из «партийных кругов», и тем самым вызвал в «избранном обществе» бурное возмущение. Начальник его штаба полковник Штаудингер между 17 и 18 часами получил оба основных приказа «Валькирия», но затем услышал сообщение по радио о неудаче покушения. Не желая мешать Киницу во время празднования, он проинформировал его об этих приказах только после 20 часов. Тем временем Киниц уже получил по телефону указание Кейтеля не выполнять берлинские приказы. Хотя генерал не предпринял ровным счетом ничего, гауляйтер и его окружение насторожились. Эсэсовская часть, располагавшаяся в предместье Штеттина Немиц, изготовилась к обороне, установила проволочные заграждения и пулеметы. Около полуночи Киниц и Штаудингер особо заверили гауляйтера в своей лояльности.

⁸ F. S e l b m a n n. Alternative, Bilanz, Credo. Halle/Saale, 1969, S. 372.

⁹ Описание событий на территории Германии и в Чехии в значительной мере дано по: W. G ö r l i t z. 20. Juli 1944: Staatsstreich nach Dienstschluss. — «Die Welt». 19.VII.1969.

В Дрездене (IV военный округ) в штабе находился только дежурный офицер, который и получил первый приказ заговорщиков. Он сразу же вызвал в штаб всех имевшихся в пределах досягаемости офицеров и одновременно известил гестапо. Командующий округом генерал Виктор фон Шведлер, посвященный в заговор, лишь усилил охрану своего штаба и стал выжидать дальнейших событий. Тем временем поступили контрприказы Кейтеля. Вечером Шведлера и его офицеров вызвали на виллу гауляйтера Мучмана, там у них отобрали оружие и местный высший начальник СС и полиции фон Альвенслебен потребовал, чтобы они назвали имена «политически ненадежных» офицеров.

В Касселе (IX военный округ) начальник штаба полковник фон Плате получил первые приказы «Валькирия» около 19 часов 30 минут, хотя поступали они уже с 18 часов. Он поднял по тревоге войсковые части и усилил охрану штаба. Командующий округом генерал Шеллерт, вернувшись в 21 час из служебной поездки, решил сначала посоветоваться с гауляйтером Кур-Гессена Герландом, однако затем все же подписал приказ об аресте трех функционировавших на территории военного округа гауляйтеров, в том числе и пресловутого Заукеля. Поднятые по тревоге части получили приказ действовать. Во Франкфурте-на-Майне они заняли почтамт, телеграф, главный вокзал и радиостанцию. Но трое гауляйтеров оказались «бесследно исчезнувшими». Тем временем из ставки «фюрера» начали поступать контрприказы, и около 22 часов 30 минут операция была прекращена. В сопровождении вооруженной охраны в штаб явился гауляйтер Герланд и потребовал отчета в содеянном.

В Нюрнберге (XIII военный округ) несколько офицеров уже были готовы дать приказ войскам выступать, однако сначала они запросили Штутгарт и Мюнхен, как поступают там. Так как там ничего не происходило, то и здесь остались пассивны.

В Мюнхене (VII военный округ) в заговор был посвящен 1-й офицер штаба (начальник оперативного отдела) подполковник Гроссер. Под предлогом учений на местности он сосредоточил у Штарнбергского озера пехоту, танки и инженерно-саперные части. Однако, получив сообщение о перевороте, он ничего не предпринял. Гауляйтер Гизлер решил арестовать командующего округом генерала Крибеля, посчитав его предводителем офицерского бунта. Крибель бежал в Аугсбург к швабскому гауляйтеру Валью и попросил у него защиты!

В Кёнигсберге (I военный округ) в момент, когда из Берлина поступили первые приказы «Валькирия», командующий находился на охоте. 1-й офицер штаба подполковник Эрдман был посвящен в заговор, но не предпринял никаких действий, хотя для ареста нацистского руководства гау (области) был специально предназначен танковый разведывательный батальон. Узнав о покушении, гауляйтер Кох приказал сразу же поднять по тревоге отряды штурмовиков и подчиненную ему особую часть.

В Праге командующий войсками вермахта в «протекторате Богемия и Моравия» генерал Фердинанд Шааль получил первые приказы «Валькирия» примерно в 18 часов 30 минут. Он распорядился привести войска в состояние боевой готовности, однако никаких мер против нацистских главарей и СС не принял. Со своей стороны, «государственный министр» Карл Герман Франк поднял по тревоге войска СС. Шааль попытался заключить с законренным нацистом Франком соглашение, но контрприказы и здесь положили конец слабым зачаткам операции.

В других военных округах или районах, подчиненных военному командованию, за исключением Вены и Парижа, произошло весьма небольшое или же не произошло вообще ничего.

В штабе группы армий «Центр» Тресков и Шлабрендорф с нетерпением ждали телефонного известия об удавшемся покушении. Но вскоре они слышали лишь сообщения по радио о том, что Гитлер уцелел. Они выжидали до тех пор, пока не прояснилась ситуация в Берлине.

Вскоре после 19 часов заговорщики на Бендлерштрассе установили телефонную связь с армейской группой «Север» в Прибалтике. Штауффенберг сообщил начальнику штаба, что военное и политическое руководство взяли на себя Вицлебен и Бек. Затем Бек передал этой группе приказ подготовиться к отходу в Восточную Пруссию. Начальник штаба группы армий позвонил около 19 часов 40 минут в ставку «фюрера» и сказал графу Кильманзеггу: «Вы сами знаете, что это — единственное разумное решение. Мы уже не раз докладывали об этом, но не можем подчиниться Беку, не узнав

сначала, что же произошло»¹⁰. Гитлеровский подручный Кильманзегг распорядился указать Бека аннулировать.

Подавляющее большинство генералов и офицеров службы генерального штаба столь крепко связали себя с нацистской системой, что не были способны даже на формальное осуществление военных приказов, если знали или чувствовали, что приказы эти могли оказаться направленными против этой системы. Если прежде командование вермахта принимало значительное участие в установлении и укреплении фашистской диктатуры, то теперь оно помешало государственному перевороту 20 июля 1944 г. и предало кровавой нацистской мести тех немногих генералов, которые были в оппозиции Гитлеру.

Зачатки настоящих действий можно было наблюдать только в Вене и Париже.

В Вене (XVII военный округ) участниками заговора являлись полковник граф Марогна и капитан Сцокольт; они были лично знакомы с Штауффенбергом и Бернардисом. Около 18 часов сюда поступила телеграмма с первым основным приказом «Валькирия», в которой, однако, отсутствовала фраза «фюрер Адольф Гитлер убит». Начальник штаба полковник службы генерального штаба Кодре известил отсутствовавшего командующего округом генерала барона фон Эзебека и распорядился насчет первоначальных мер. Положение было разъяснено остальным офицерам и для охраны штаба округа привлечены два взвода венского охранного батальона. Тем временем поступила еще одна телеграмма со вторым основным приказом, предписывавшим захват определенных объектов и арест нацистских главарей. Кодре объявил общую тревогу по сигналу «Валькирия» и назначил на 19 часов совещание офицеров. Прибывший генерал Эзебек одобрил принятые меры, но потребовал запросить Берлин, так как уже были приняты по радио сообщения о неудаче покушения. Кодре переговорил по телефону со Штауффенбергом, и тот подтвердил телеграмму, настаивая на быстрейшем исполнении приказов. Эзебек не был посвящен в планы заговорщиков, но услышав, что Штауффенберг, которого он знал по 1-й легкой танковой дивизии, является одним из руководителей операции, дал свое согласие действовать. Около 19 часов 20 минут собравшиеся офицеры ознакомились с обстановкой и со своими задачами. Все нацистские, эсэсовские и полицейские начальники получили приглашение прибыть к 20 часам на срочное совещание в штаб округа. Капитан Сцокольт, выступавший за немедленное приведение войск в боевую готовность, дал охране здания приказ не выпускать из него никого, кто не носит форму вермахта, в случае отказа повиноваться — арестовывать, а при сопротивлении применять оружие. Когда приглашенные собрались (некоторые, в том числе гауляйтер фон Ширах, не явились), им зачитали телеграммы, а затем посадили под арест в разные комнаты, где подали вина и закуски. Комендант Вены генерал Зинцингер взял на себя арест всех остальных видных нацистских руководителей города.

Вплоть до этого момента никто из участвовавших не знал подробно, что же происходило в ставке Гитлера и в Берлине. Только когда после 20 часов была принята новая телеграмма с требованием назначить политического уполномоченного и в ней были названы имена бывших австрийских политических деятелей, возникли догадки, что дело идет о политической акции. Несмотря на распространившуюся неуверенность, Эзебек и Кодре все же следовали полученным приказам. Поднятые по тревоге части 117-й и 417-й дивизий находились на марше с целью захвата важных объектов. После нескольких телефонных переговоров с Бендлерштрассе раздался звонок от Кейтеля. Тот приказал отменить все принятые меры, и Эзебек отдал соответствующие приказания. Вскоре позвонил Штауффенберг: «Кодре, что случилось? Вы, что, задумали прыгнуть?» Кодре успел лишь ответить: «Только что звонил Кейтель», как связь сразу прервалась. Генерал Эзебек извинился перед арестованными и отпустил их на свободу. Но капитан Сцокольт все еще не хотел примириться с провалом и безуспешно пытался соединиться по телефону с Бендлерштрассе.

Наибольший размах и эффективность заговор приобрел в Париже¹¹. Уже после 14 часов полковник Финк получил в Париже по телефону из Цоссена шифровку о со-

¹⁰ E. Z e l l e r. Op. cit., S. 534, Anm. 18.

¹¹ Описание дано в основном по: W. S c h r a m m. *Aufstand der Generale. Der 20. Juli in Paris.* München, 1966.

вершившемся покушении — на Бейдлерштрассе в это время о нем еще ничего не знали. Однако точная информация поступила только в 16 часов 30 минут в результате телефонного звонка Штауффенберга своему двоюродному брату подполковнику Цезарю фон Хофаккеру, служившему в штабе главнокомандующего войсками на Западе и являвшемуся одним из руководителей группы заговорщиков во Франции. Хофаккер немедленно проинформировал командующего войсками во Франции генерала Штюльпнагеля, вокруг которого вскоре собрались посвященные офицеры. Штюльпнагель отдал заранее намеченные приказы: подъем по тревоге надежных войск, занятие важных зданий, арест чинов СС и Службы безопасности (СД), прекращение радио- и телефонной связи между Францией и Германией, включая линии, соединяющие с Берлином, захват парижской радиостанции. Около 18 часов 30 минут Штюльпнагелю позвонил Бек. Штюльпнагель подтвердил свое участие, несмотря на все же появившееся у него сомнение в смерти Гитлера. Одновременно он доложил Беку о принятых мерах.

Главнокомандующий войсками на Западе генерал-фельдмаршал Клюге, в прошлом соглашавшийся на выступление против Гитлера, а потом снова отказывавшийся, около 18 часов 45 минут имел телефонный разговор с Беком, с которым его соединил Штюльпнагель. Бек настойчиво призывал его присоединиться к акции. Но Клюге уже слышал сообщение о том, что Гитлер лишь легко ранен, и потому заявил Беку: ему надо сначала посоветоваться со своими офицерами, а потом он сообщит о своем решении. Затем Клюге получил как подписанный Виллебеном приказ о введении чрезвычайного военного положения, так и телеграмму Кейтеля, запрещающую выполнение приказов Виллебена, Бека или Гёпнера. Из ОКВ ему было по телефону подтверждено Штиффом, что Гитлер не погиб в результате покушения. И Клюге решил отмежеваться от заговора.

В 22 часа по тревоге был поднят для удара по СС и СД 1-й охранный полк. Атака на их казармы была назначена на 22 часа 30 минут. Тем временем Штюльпнагель, Хофаккер, генералы Блюментритт, Шпейдель и другие собрались в Ла-Рош-Гуйон у Клюге на созванное им офицерское совещание. Слово по поручению заговорщиков взял Хофаккер. Он попытался склонить Клюге на их сторону. Но тщетно: Клюге категорически отказался. Когда во время последовавшего вслед за тем совместного обеда Штюльпнагель в личной беседе рассказал Клюге об уже принятых мерах, тот пришел в ярость и потребовал отмены отданных приказов. Но генерал Блюментритт заявил: это невозможно, войска уже выступили. Клюге тут же отстранил Штюльпнагеля от должности: «Переоденьтесь в штатское и исчезните куда-нибудь!»

В 22 часа 30 минут начался — без ведома Клюге — арест чинов СС, СД и гестапо в Париже. Хотя большинство участвовавших в этом армейских офицеров не было посвящено в заговор, они последовательно осуществляли приказы до конца, как только поняли, что приказы эти направлены против СС и гестапо. Точно так же, но в еще более ярко выраженной форме, отнеслись к приказу солдаты. Когда военный комендант Парижа барон Бойнебург-Ленгсфельд, лично руководивший операцией по аресту, спросил одного солдата, что тот думает насчет происходящего, тот ответил: «Наконец-то взяли за жабры эту черную чуму. Теперь и мы скоро заживем спокойно»¹². За короткое время было арестовано около 1200 чинов СС, СД и гестапо. Они не оказали сопротивления, и только некоторым удалось сбежать. Операция была предпринята столь неожиданно, что вскоре пошел слух, будто бойцы отрядов французского Сопротивления, переодевшись в немецкую военную форму, совершили налет на штаб-квартиру гестапо в Париже. Парижская операция показывает, какие возможности в действительности имел государственный переворот даже при том, что он опирался только на некоторые войсковые части. Однако и на Западе основная масса солдат узнала о нем лишь тогда, когда он уже провалился.

Тем временем в Берлине свершался решающий поворот. Пока охранный батальон поднимался по тревоге и приступал к оцеплению правительственного квартала, лейтенант Хаген, сотрудник министерства пропаганды, около 17 часов 30 минут отправился к Геббельсу, поскольку принятые меры вызвали у него подозрение. Он высказал Геббельсу свое предположение, что происходит военный путч, в котором охранный

¹² W. S c h r a m m. Op cit., S. 138.

батальон должен сыграть серьезную роль. Геббельс же, знавший о покушении, но еще не имевший никакого представления о последовавших событиях, приказал немедленно вызвать к себе майора Ремера¹³. Одновременно был поднят по тревоге, но пока оставлен в боевой готовности в своей казарме в Лихтерфельде эсэсовский полк личной охраны «Адольф Гитлер». Хаген известил о путче против «фюрера» Ремера, расположившего свой командный пункт в городской военной комендатуре на Унтерден-Линден, а также проинформировал всех офицеров, которых повстречал.

Ремер попросил у генерала фон Хазе разрешение выехать к Геббельсу, но не получил согласия. Трудно понять, почему посвященный в заговор фон Хазе не приказал тут же арестовать Ремера: ведь такое желание, по крайней мере, должно было бы вызвать у него подозрение. Так Ремер на собственный страх и риск в 19 часов оказался у Геббельса. Тот спросил его, является ли он убежденным национал-социалистом. Ремер заверил, что «на все 100 процентов стоит за фюрера». Тогда Геббельс по телефону соединил его с Гитлером, и тот лично приказал ему подавить путч. До прибытия в Берлин Гимmlера Ремер подчинялся непосредственно Гитлеру. Он сразу выехал в комендатуру и возглавил контрмеры против заговорщиков. В это же время уже упоминавшийся Больбринкер остановил танковые части и задержал их ввод в бой. Ремер, по его собственным словам, в дальнейшем еще не раз побывал у Геббельса, информируя его о контрмерах.

Около 20 часов 30 минут главные силы охранного батальона по приказу Ремера сконцентрировались в саду геббельсовского дома на Герман-Геринг-штрассе 20. Геббельс произнес речь, в которой поливал грязью «изменников», и объявил, что долг батальона — подавить путч. Ремер заявил солдатам: «фюрер» лично поручил ему сделать это, после чего стал готовить атаку здания на Бендлерштрассе. Одновременно он послал связных во все войсковые части, находившиеся в городе или на подходе, с требованием вернуться в свои казармы.

Когда около 21 часа по радио было сообщено, что вскоре выступит Гитлер (что еще больше увеличило смятение в лагере заговорщиков), войска уже собирались оставить центр города. В 21 час 30 минут последние танки покинули внутреннюю часть Берлина. Подходившие войска были частично еще раньше остановлены поднятыми по тревоге эсэсовцами.

Ольбрихт послал Кляйста к начальнику гарнизона города фон Хазе и к Хельдорфу, чтобы обеспечить присылку воинской части для защиты Бендлерштрассе, так как караулы охранного батальона по приказу Ремера оставили свои посты. Хазе в комендатуре не оказалось, и было похоже, что его штаб совершенно растерялся. Люди в полиции-президиуме держались выжидающе. Хельдорфа на месте уже не было. Возвращаясь через Бранденбургские ворота, Кляйст увидел, что эсэсовская охрана на Герман-Геринг-штрассе вновь вооружена.

В 22 часа 30 минут — в то самое время, когда в Париже были успешно произведены аресты, — Ольбрихту пришлось призвать находившихся на Бендлерштрассе офицеров самим взять на себя охрану здания. Для той группы офицеров, которая вела себя пассивно, это послужило сигналом начать, со своей стороны, действовать так, чтобы потом их не сочли участниками теперь явно провалившегося дела.

В Берлине уже собирались нацистские главари: у Геббельса — Гимmlер и Кальтенбруннер, в здании службы безопасности (СД) — Шелленберг и Скорцени.

В здании на Бендлерштрассе в это время разыгрывался последний акт драмы. Около 22 часов 45 минут начальник штаба Штюльпвагеля полковник Линстов получил в Париже от Штауффенберга телефонное известие: все пропало. В 22 часа 50 минут группа офицеров и унтер-офицеров во главе с полковниками Хербером, фон Хайде, Придуном и Кубаном и майором Флисбахом, вооружившись по дороге, ворвалась

¹³ В отношении этих событий имеются отличающиеся друг от друга свидетельства. Так, утверждается, что Ремер отправился к Геббельсу с намерением арестовать последнего, однако аргументы Геббельса и телефонный разговор с Гитлером переубедили его. Сам Ремер признал впоследствии, что с самого начала вводил заговорщиков в заблуждение. Эти противоречия касаются, однако, незначительных подробностей. Решающим является то, что Ремер встал на сторону Гитлера и Геббельса и тем самым решил судьбу заговора. См. сообщение Ремера, Шлее и Хагена в: «Das Parlament», Bonn. Heft VXXXVI/54 (17.XI.1954), VXXIX/55 (20.VII.1955).

в кабинет Ольбрихта. В этот момент здесь находились, в числе других, Ольбрихт, Петер Йорк фон Вартенбург, Ойген Герстенмайер и Бертольд Штауффенберг. Полковника Штауффенберга и Хефтена обстреляли в коридоре; Штауффенберг был ранен. Затем в течение десяти минут в коридоре и прилегающих помещениях слышались крики, выстрелы, шум рукопашной схватки. Бек, Гёшнер, братья Штауффенберг, Ольбрихт, Мерц фон Квиригейм, Хефтен и другие заговорщики были схвачены; немногим, в том числе майору авиаций Георги, племяннику Ольбрихта, а также Кляйсту, Фриче и Людвигу фон Гаммерштейну, во всеобщей неразберихе удалось скрыться. Как раз в это время рота охранного батальона под командой обер-лейтенанта Шлее разоружала охрану здания и занимала все выходы.

Около 23 часов 15 минут Фромм снова появился в своем кабинете и объявил Беку, Гёшнеру, Клаусу Штауффенбергу и другим заговорщикам, что они арестованы. Хефтен поднял пистолет, чтобы выстрелить в Фромма, но Штауффенберг удержал его. Фромм приказал арестованным бросить оружие. Бек попросил оставить ему пистолет для «личных целей». В ответ Фромм поторопил генерала поскорее привести свое намерение в исполнение. Приставив пистолет к виску, Бек выстрелил, но выстрел оказался несмертельным. Немного погодя Бек слабым голосом попросил дать ему другой пистолет. Ему дали, но и второй выстрел не убил его. Тогда один фельдфебель «из сострадания» пристрелил потерявшего сознание генерала.

Тем временем Фромм предложил арестованным, если они желают, написать последние письма. Ольбрихт и Хефтен стали писать предсмертные строки своим женам. Фромм вышел из комнаты и спустя некоторое время вернулся в сопровождении нескольких офицеров охранного батальона. Он объявил, что созвал военно-полевого суд, который приговорил к смертной казни четырех офицеров: полковника Мерца, генерала Ольбрихта, полковника Штауффенберга и обер-лейтенанта Хефтена. При этом фамилии Штауффенберга и Хефтена произнести вслух Фромм не пожелал. Затем Фромм предложил Гёшнеру покончить жизнь самоубийством, но тот ответил, что не знает за собой столь тяжкой вины, чтобы поступить таким образом, и дал увести себя в военную тюрьму Моабит.

Четверых приговоренных к смертной казни около полуночи вывели во двор на расстрел. Хефтен поддерживал ослабшего от ранения Штауффенберга. Место казни освещалось фарами военного грузовика. Клаус Шенк фон Штауффенберг погиб с возгласом: «Да здравствует священная Германия!»¹⁴

Пули оборвали жизнь Штауффенберга накануне его 37-летия. К нему в полной мере относятся слова, сказанные его соратником Фрицем-Дитлофом фон дер Шуленбургом в тот же самый вечер незадолго до ареста: «Немецкому народу, видно, придется испить эту чашу до дна. Мы должны пожертвовать собою. Позже нас поймут»¹⁵.

Трупы Бека, Штауффенберга и остальных трех расстрелянных были немедленно доставлены на кладбище церкви св. Матвея в Шёнеберге и погребены там, однако на следующий день извлечены и сожжены. Гиммлер сказал: «Я отдал приказ сжечь трупы, а пепел развеять по ветру. Мы не желаем, чтобы от подобных людей, а также и от тех, которые казнены теперь, осталось хоть малейшее воспоминание в виде какой-либо могилы или захоронения»¹⁶.

В 0 часов 21 минута генерал Фромм приказал отправить телеграмму всем командным инстанциям, получившим ранее приказы заговорщиков. В ней говорилось: «Попытка путча безответственных генералов кроваво подавлена. Все главаря расстреляны.

Приказы ген[ерал]-фельдмаршала ф[он] Витцлебена, ген[ерал]-полк [овника] Гёшнера, генерала Бека и генерала Ольбрихта не выполнять.

Я вновь принял на себя командную власть, после того как временно был схвачен с применением силы оружия. Подписал: *Фромм, генерал-полковник*».

Затем Фромм обратился с краткой речью к выстроенным во дворе солдатам. Решение Фромма немедленно казнить главных заговорщиков явно объяснялось его

¹⁴ Последние слова Штауффенберга передаются различно. Так, по другим свидетельствам, он воскликнул: «Да здравствует свободная Германия!» или же «Да здравствует тайная Германия!»

¹⁵ K. v. Hammerstein. Op. cit., S. 288.

¹⁶ E. Zeller. Op. cit., S. 352, Anm. 31.

желанием побыстрее избавиться от опасных свидетелей. Прибывшие тем временем эссовские главари Скорцени и Кальтенбруннер приказали немедленно доставить закованных в цепи арестантов на Принц-Альбрехт-штрассе, где тотчас же начались допросы. Фромм, не имевший больше командной власти, поскольку командующим армией резерва теперь был назначен Гиммлер, отправился к Геббельсу. Но еще в ту же ночь Фромма подвергли «почетному аресту». Телеграмма Фромма была дезавуирована Гиммлером:

«Последний абзац телеграммы PS НКОВ 451 937 генерал-полковника Фромма недействителен. Согласно приказу фюрера, командную власть над армией резерва принял на себя я. Подчиняться только моим приказам. Действие кодового сигнала «Валькирия» отменяется немедленно. Подписал: *Гиммлер*».

Около часа ночи радио передало в магнитофонной записи речь Гитлера, о которой было объявлено еще четырьмя часами ранее: «Бомба, подложенная полковником фон Штауффенбергом, разорвалась в двух метрах справа от меня... Сам я остался совершенно невредим, если не считать совсем мелких ссадин, ушибов или ожогов»¹⁷. За дикой бранью последовало заявление, что заговорщики «теперь будут беспощадно истреблены».

Для расследования событий и розыска остальных участников заговора Гиммлер сразу же создал при гестапо «Особую комиссию по делу 20 июля», аппарат которой состоял из 400 чиновников, подразделенных на 11 отделов. Эта особая комиссия работала вплоть до самого конца фашистского режима. Результаты следствия Кальтенбруннер регулярно направлял Гиммлеру, а тот докладывал их Гитлеру и другим нацистским главарям. Общее число арестованных равнялось примерно 7 тыс. человек (в том числе и не имевших отношения к заговору, но подозревавшихся гестапо)¹⁸. По осторожной оценке Гюнтера Вайзенборна, число непосредственных жертв из среды заговорщиков составило 160—180 человек, среди них 20 генералов, включая одного фельдмаршала¹⁹. Кроме того, к смертной казни было приговорено еще примерно 700 военнослужащих в военных округах и на фронте.

Более тяжелым последствием разгромленного заговора было, однако, то, что нацисты использовали его провал для еще более жестокой расправы с подлинными антифашистами. Жертвами кровавого фашистского террора пали многие коммунисты. Среди них были члены подпольного оперативного руководства КПГ Бернхард Бестляйн, Франц Якоб, Теодор Нойбауэр, Антон Зефков и Георг Шуман, а также руководящие коммунистические работники Магнус Позер, Эрнст Грубе, Альберт Кунц, Эрнст Шнеллер и Матиас Тезен. 18 августа по указанию Гитлера и Гиммлера в концлагере Бухенвальд был убит Эрнст Тельман. Гибель Тельмана явилась тяжелой потерей для немецкого народа. В его лице германский и международный рабочий класс потерял одного из своих самых выдающихся руководителей.

Некоторым из заговорщиков удалось скрыться и их разыскивали: например, Карла Гёрделера (объявленное вознаграждение — миллион марок), Фрица Линдемана (500 тыс. марок), Макса Хабермана, графа Лендорфа (5 тыс. марок), Вильгельма Лейшнера. Большинство же попало в руки гестапо сразу. Немедленно после 20 июля были введены усиленные меры по блокированию границ. Майору Куну удалось перейти на сторону Советской Армии. Людвиг и Кунрат фон Гаммерштейн скрывались от своих преследователей вплоть до освобождения немецкого народа от фашизма. Кунрат фон Гаммерштейн писал впоследствии: «Я бы перебежал, как Кун»²⁰. Но в общем и целом спастись от ареста посчастливилось лишь немногим. Некоторые участники заговора покончили самоубийством, чтобы избежать пыток гестапо.

Генерал Хеннинг фон Тресков, узнав о провале заговора, утром 21 июля отправился на передовую и в нейтральной полосе между передним краем немецких и советских войск, имитируя выстрелами и взрывами гранат грохот боя, покончил жизнь самоубийством. Стараясь не вызвать подозрений и желая оградить своих друзей от преследования, он таким образом пытался создать впечатление, будто погиб в стычке с против-

¹⁷ K. v. Hammerstein. Flucht. Aufzeichnungen nach dem 20. Juli 1944. Olten und Freiburg (Br.), 1966, S. 13.

¹⁸ «Nordwestdeutsche Hefte», 1947, Н. 1—2, S. 33.

¹⁹ G. Weisenborn. Der lautlose Widerstand. Hamburg, 1954, S. 141, 346, 347.

²⁰ K. v. Hammerstein. Flucht, S. 67.

ником. Тело Трескова сначала было с почестями похоронено в его родном городе, но затем, когда раскрылось его участие в заговоре, вновь выкопано из могилы, доставлено в Берлин и там сожжено. Перед смертью Тресков заявил друзьям, что убежден в правильности своих поступков: «Теперь весь свет накинется на нас, будет поливать нас грязью. Но я, как и прежде, непоколебимо убежден в том, что мы действовали верно... Нравственная ценность человека познается лишь тогда, когда он отдает за свои убеждения жизнь»²¹.

Родственник Вицлебена Джоб фон Вицлебен, один из оставшихся в живых участников заговора, впоследствии писал: «Трагедия Трескова, одного из самых мужественных заговорщиков, который лично осуществил всю подготовку [неудавшегося] перехода Шуленбурга * через линию Восточного фронта для установления контакта с Советским правительством, состоит в том, что сам он не решился на этот рывок, а застрелился, так сказать, прямо в лицо перед собой подлинных, настоящих немцев по другую сторону передовой» (подразумеваются участники движения «Свободная Германия» — К. Ф.)²²

Генерал Генрих фон Штюльпнагель утром 21 июля, получив приказ немедленно прибыть в Берлин, пустил себе пулю в лоб, но остался жив: пуля лишь повредила зрительный нерв. 30 августа 1944 г. ослепший генерал был казнен. Генерал-квартирмейстера Эдуарда Вагнера раскрыли как соучастника заговора не сразу. До этого ему еще пришлось вести с Кальтенбруннером переговоры насчет наиболее целесообразных методов расследования. 23 июля, вызванный Кальтенбруннером на очередную беседу, он застрелился. Граф Ганс фон Харденберг выстрелил себе в грудь, но выстрел оказался несмертельным; тогда он вскрыл вены. Однако гестаповцы все же схватили его и поместили в госпиталь, а затем бросили в концлагерь Заксенхаузен, откуда он в конце войны был освобожден Советской Армией.

От генерал-фельдмаршала Эрвина фон Роммеля нацисты избавились особым образом. 14 октября 1944 г. ему по приказу Гитлера было предоставлено самому сделать выбор: либо покончить жизнь самоубийством, либо предстать перед судом. В случае самоубийства ему будут устроены торжественные похороны, а семью пощадят и не будут преследовать. Попрошавшись с женой и сыном, Роммель принял яд, переданный ему посланцами Гитлера. Официально же было объявлено, что он скончался от закупорки вен, вызванной его ранением. Были инсценированы государственные похороны, на которых генерал-фельдмаршал фон Рунштедт (хорошо знавший истинные причины смерти Роммеля) произнес надгробное слово. В нем он восхвалял покойника как верного и преданного Гитлеру полководца. Вдове Роммеля нацистские главарь послали «соболезнование».

Гюнтер фон Клюге 18 августа получил приказ о переводе на другую должность. Он знал, что ему предстоит, и написал Гитлеру предсмертное письмо, в котором выражал свои верноподданнические чувства. 19 августа 1944 г. он отравился.

Многие из арестованных подверглись жестоким истязаниям. Чтобы избежать необходимости предать офицеров военному суду и получить возможность отдать их на расправу так называемому «народному трибуналу» под председательством известного своими кровавыми приговорами Фрайслера, Гитлер предварительно созвал «суд чести» в следующем составе: председатель — генерал-фельдмаршал фон Рунштедт, члены: генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Гудериан, генералы Шрот, Шпехт, Крибель, Бургдорф и Майзель. Первый процесс, о котором сообщалось в печати, состоялся 7—8 августа 1944 г. Восемь обвиняемых — фон Вицлебен, Гёпнер, Штифф, фон Хазе, Бернардис, Клаузинг, фон Хаген, Йорк фон Вартебург — были приговорены к смертной казни через повешение. Сообщалось еще и о втором процессе. Он проходил 7—8 сентября и также закончился смертным приговором всем подсудимым: Гёрделеру, Лейшнеру, фон Хасселю, Вирмеру и Лежен-Юнгу. Гёрделер, скрывавшийся в течение нескольких недель, был схвачен гестапо по доносу одной штабной секретарши в Западной Пруссии. Об остальных процессах почти ничего известно

²¹ H. F r a e n k e l, R. M a n v e l l. Op. cit., S. 151.

* Имеется в виду граф Вернер фон дер Шуленбург — бывший германский посол в СССР.

²² «Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft der ehemaligen Offiziere». Berlin, 1964, H. 8, S. 7.

не стало. Большинство обвиняемых было приговорено к смерти и казнено; многие без всякого суда убиты в каторжных тюрьмах и концлагерях. Последние казни продолжались еще в апреле 1945 г. Если первое время о приведении приговоров в исполнение сообщалось, то впоследствии это делать перестали.

Для смертного приговора считалось достаточным, чтобы обвиняемый всего лишь знал о существовании заговора. Так, был казнен полковник Майхснер, хотя он и отказался осуществить покушение на Гитлера. Был казнен даже генерал Фромм, в значительной мере способствовавший провалу путча.

Приговорен к смертной казни был и член Крайзауского кружка Теодор Штельцер. Но его норвежские друзья обратились к финну Керстену, массажисту Гиммлера, который имел большое влияние на последнего, с просьбой о заступничестве. Его миссия оказалась успешной и привела к отмене приведения приговора в исполнение. Гиммлер будто бы даже распорядился освободить Штельцера, бросив при этом реплику: «Все равно потом мы их всех повесим!»²³

Иными были причины, по которым было решено извинить Хойзингера и Герстенмайера * от той участи, которая была уготована другим участникам или сообщникам. Хойзингера арестовали 23 июля, но суду не предали, хотя следствие документально доказало, что он знал о приготовлениях к покушению в 1943 г. Во время своего двухмесячного тюремного заключения он составил «памятную записку» о причинах и предыстории заговора. По собственным словам Хойзингера, Гитлер сказал ему: «Мне было очень жаль, что и вас тоже втянули в следствие... Я проштудировал вашу памятную записку, написанную в заключении. И я благодарю вас за нее»²⁴.

В 1959 г. «Содружество бывших офицеров» в ГДР создало комиссию (в составе генерал-лейтенанта в отставке Иоганнеса Цукерторта, генерал-майора в отставке Мартина Латтмана, генерал-майора в отставке Арно фон Ленски и д-ра Макса Хуммельтенберга) по расследованию роли Хойзингера в связи с 20 июля 1944 г. Комиссия пришла к следующему выводу: «Хойзингер выдал мужественных участников заговора 20 июля. Примкнул ли он к заговору по заданию своих хозяев в качестве шпиона, выдал ли он заговорщиков палачам своей «памятной запиской» или же совершил и то, и другое, это уже несущественно»²⁵.

Герстенмайер был вечером 20 июля арестован в здании на Бендлерштрассе. Между тем как все непосредственные участники заговора были казнены, он получил всего семь лет тюрьмы. Как явствует из тогдашних внутренних донесений гестапо, Герстенмайер после своего ареста выдал 17 человек, принадлежавших к кругу заговорщиков²⁶.

8 августа вместе с другими заговорщиками предстали перед судом Йорк фон Вартенбург и Штифф. Во время судебного разбирательства они мужественно противостояли нацистскому судье Фрайслеру, осыпавшему их ругательствами и пытавшемуся выставить их в смешном свете. Прервав тирады Фрайслера, Штифф сказал, что совершил содеянное ради немецкого народа. Фрайслер пришел в бешенство и разразился бранью и криком. Йорк открыто заявил о своем отрицательном отношении к нацизму и подтвердил, что остается верен своему делу: «Возможно, придет еще время, когда меня назовут не подонком, а провидцем и патриотом»²⁷. Свое предсмертное письмо жене он закончил словами: «Хотели факел жизни мы зажечь, вокруг бушует огненное море, пылает пламя нестерпимо!»²⁸

²³ Th. Stelzer. Sechzig Jahre Zeitgenosse. München, 1968, S. 173.

* После второй мировой войны, в период канцлерства Аденауэра, Хойзингер являлся генеральным инспектором бундесвера и председателем постоянного Военного комитета НАТО. Герстенмайер был председателем бундестага ФРГ, членом синода «Евангелической церкви Германии», членом президиума западногерманского ХДС и членом Европейского совета.

²⁴ A. Heusinger. Befehl'im Widerstreit, S. 365—366. — Цит. по: «Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft der ehemaligen Offiziere», 1959, H. 2, Beilage.

²⁵ J. Hellwig, H. Oley. Der 20. Juli und der Fall Heusinger. Berlin. 1959.

²⁶ «Vom SD-Agenten P 38/546 zum Bundestagpräsidenten. Die Karriere des Eugen Gerstenmayer», hg. vom Nationalrat der Nationalen Front des demokratischen Deutschland. Berlin, 1969.

²⁷ A. Leber. Das Gewissen steht auf. Berlin (West) — Frankfurt a M., 1956, S. 165—166.

²⁸ Ibidem.

10 августа погибли Бертольд Штауффенберг и Фриц-Дитлоф фон дер Шуленбург. Во время процесса Фрайслер называл Шуленбурга исключительно «предатель» или «подлец Шуленбург». Когда однажды он, случайно оговорившись, сказал «граф Шуленбург», тот перебил его: «Простите, подлец Шуленбург!» В своем последнем слове Шуленбург заявил: «Мы пошли на это для того, чтобы уберечь Германию от неопишемого горя. Мне ясно, что я буду повешен, но я не раскаиваюсь в своем поступке и надеюсь, что другой, кому повезет больше, дведет дело до конца»²⁹. В прощальном письме жене он писал: «Того, что мы сделали, оказалось недостаточно, но в конечном счете история воздаст нам должное и оправдает нас». 26 августа погиб Тротт цу Зольц, а 8 сентября — граф Шверин фон Шваненфельд. Когда в ночь на 21 июля его в кандалах увозили с Бендлерштрассе, он сказал: «В конце концов не остается ничего другого, кроме как умереть за это»³⁰. 29 сентября был казнен Вильгельм Лейшнер, а вслед затем, 20 октября, Герман Маас и Адольф Райхвайн. Мольтке казнили 25 января 1945 г., так как процесс против него и других членов Крайзауского кружка состоялся только в январе 1945 г.

Смертные приговоры приводились в исполнение в каторжной тюрьме Плётцензеэ сразу же после вынесения. По приказу Гитлера казни специально снимались для него на киноплёнку.

Приговоренного к смерти Гёрделера поначалу не казнили: он оказался для гитлеровцев чрезвычайно обильным источником информации, составлял памятные записки, называл имена, характеризовал отдельных участников заговора и даже пытался давать нацистам советы.

Месть гитлеровцев распространилась и на семью казненных. Среди арестованных находились 12 женщин в возрасте свыше 70 лет, в том числе и мать братьев Штауффенберг. Почти 50 детей в возрасте от одного года до 15 лет были оторваны от своих родителей и помещены в приюты, контролируемые гестапо. Аресту подверглась и семья Клауса Штауффенберга. Детям его нацисты дали фамилию «Майстер» и сначала отправили в детский дом в Тюрингии. Жена Штауффенберга должна была отныне именоваться «фрау Шанк». В концлагере она однажды встретила Розой Тельман, которая перед тем получила известие об убийстве своего мужа в Бухенвальде. Графиня Штауффенберг поговорила с Розой Тельман и выразила ей глубокое сочувствие³¹. Младшая дочь Штауффенберга родилась в январе 1945 г. во Франкфурте-на-Одере. Заключенные обрели свободу только благодаря наступлению Советской Армии и войск стран антигитлеровской коалиции.

Те из заговорщиков, которые были брошены в тюрьмы и концлагеря, встретили солидарность и помощь со стороны «старых» заключенных, в большинстве своем коммунистов. В концлагере Заксенхаузен коммунисты как могли оказали помощь тяжело раненному фон Харденбергу и другим заключенным в связи с заговором. Сам Харденберг впоследствии так отзывался об узниках-коммунистах: «Мои соседи по койке — коммунисты, наставляли меня: «Не волнуйся так, Карл, пусть волнуются другие. Говори как можно меньше о вещах важных и как можно больше — о пустяках. Не ставь под угрозу друзей. Признавай все, что не грозит смертной казнью. Ведь все равно, получишь ты пожизненную каторгу или полгода тюрьмы, это будет длиться ровно столько, сколько еще просуществует третий рейх»»³².

Национальный комитет «Свободная Германия» солидаризировался с теми патриотами из числа участников заговора, которые выступили против Гитлера в самой Германии, и попытался мобилизовать трудящиеся массы, солдат и офицеров на продолжение борьбы. 21 июля 1944 г. кандидат в члены Политбюро ЦК КПГ и член НКСГ Антон Аккерман, выступая по радиостанции «Свободная Германия», говорил, имея в виду патриотическое крыло заговора: «Эти люди действовали, руководствуясь сознанием, что каждый лишний день пребывания национал-социалистского руководства у руля власти губелен для народа и отечества, что Гитлера необходимо свергнуть, свергнуть безотлагательно, и для этой цели любые средства хороши»³³. 23 июля

²⁹ A. K r e b s. Fritz-Dietloff Graf von der Schulenburg. Hamburg, 1964, S. 304.

³⁰ Ibidem.

³¹ Сообщение графини Нины Штауффенберг автору.

³² K. v. H a m m e r s t e i n. Flucht, S. 44.

³³ IML beim ZK der SED, ZPA, 238/Mappe 25.

НКСГ обратился с воззванием к немецкому народу и вермахту, призывая: «Немцы на фронте и в тылу! Создавайте великое единство в освободительной борьбе против Гитлера»³⁴.

В передовой статье «Обратить оружие против Гитлера», опубликованной 23 июля 1944 г. в газете «Freies Deutschland», В. Ульбрихт писал о необходимости совместных действий всех немцев — противников Гитлера: «Больше всего на свете Гитлер боится боевого единства народа... Для антифашиста было бы непростительно из-за недоверия к генералам пассивно стоять в стороне. Мы знаем, что многие военнослужащие вермахта и многие люди в тылу прежде находились на ложном пути. Но гитлеровские безумства открыли глаза многим, и ныне они идут с нами по новому пути — по пути борьбы против Гитлера, за Германию. Так будем же судить о людях по их сегодняшним делам. Солидарность со всеми противниками Гитлера — таков высший закон наших действий»³⁵.

Тем самым КПГ последовательно продолжала намеченную VII конгрессом Коминтерна и ее Брюссельской конференцией и осуществленную созданием НКСГ линию на сплочение для совместной борьбы всех противников гитлеровского режима, принадлежащих ко всем классам и слоям народа.

Вместе с тем, стремясь не допустить возникновения иллюзорных представлений о характере заговора 20 июля в целом, дифференцированно подходя к классовым и политическим мотивам действий его различных участников, коммунисты указывали на то, что этот заговор порождался не только патриотическими чувствами, но за ним стояли и те определявшие его сущность силы, которые в устранении Гитлера видели предпосылку сохранения в Германии империалистско-милитаристского строя.

16 августа 1944 г. на заседании НКСГ Антон Аккерман сделал доклад «Уроки 20 июля 1944 г.», в котором оценил заговор как «следствие и выражение кризиса гитлеровского режима». Одновременно он констатировал у заговорщиков «стремление избежать широкой вооруженной борьбы. Отсутствие призыва к народу. Отсутствие призыва к армии на фронте. Следовательно, свержение Гитлера и прекращение осознанной как проигранная войны без потрясения фронта и народного волнения. Итак: «дворцовая революция». Бескровный государственный переворот — при опоре на ключевые позиции в генеральном штабе и сухопутных войсках... Удерживать фронт. Переговоры... Спасти что еще можно. Программа — коротко: «Вывести Германию из второй мировой войны так же, как из первой»³⁶.

Заговор 20 июля 1944 г. и его провал с абсолютной ясностью показали, что разрешить существовавшее коренное противоречие между гитлеровской кликой и немецким народом никакой верхушечный, «дворцовый» переворот был не в состоянии. Планы Гёрделера и стоявших за ним монополистических кругов и военщины являлись лишь вариантом империалистической политики и были направлены на то, чтобы не допустить разгрома германского империализма и милитаризма, не дать Германии в будущем пойти по пути антифашистско-демократического развития. Никакой офицерский заговор (даже при участии в нем некоторых патриотических элементов, группировавшихся вокруг Штауффенберга и не определявших в целом его характер) не мог привести к освобождению немецкого народа от нацизма, поскольку оставался изолированным от народных масс, от авангарда рабочего класса и от организаций антифашистского Сопротивления, основной и руководящей силой которого с самого начала и до конца были коммунисты³⁷.

Одержав историческую победу в Великой Отечественной войне, Советская Армия сорвала и реакционные замыслы тех кругов германского империализма и милитаризма, которые при помощи различных политических маневров, в том числе и попытки устранения Гитлера, стремились спасти свое господство; она внесла решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и принесла народам Европы, а также и самому немецкому народу освобождение от ига фашизма.

³⁴ «Freies Deutschland», 23.VII.1944.

³⁵ W. U l b r i c h t. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 2. Berlin, 1953, S. 334.

³⁶ Цит. по рукописным тезисам доклада А. Аккермана, с которыми автор имел возможность ознакомиться.

³⁷ См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5. Berlin, 1966, S. 415.